

— Не спадала напряжённость и в моих отношениях с Гостремом. Я никак не мог добиться давно уже обещанной мне должности старшего научного сотрудника. Я был убеждён, что всё дело в Гостреме, в его нежелании выполнять своё обещание. Реакция Гострема на мои обращения к нему по этому поводу вполне позволяла так считать.

— Надо ещё посмотреть, так сказать. Надо доказать Ваши способности, - бормотал он, когда я напоминал ему о всех его обещаниях сначала должности доцента в университете, потом старшего научного сотрудника в обсерватории. Я же, конечно, считал, что давно заслуживаю эсэнэса, тем более что ещё полтора года назад я уже работал в этой должности в университете, а за прошедшее время моя ионосферная квалификация несомненно повысилась, о чём свидетельствовали, на мой взгляд, мои успешные выступления в ИЗМИРАНе и в Иркутске, избрание в Бюро рабочей группы по ионосферное моделированию.

— На самом деле всё было сложнее. В обсерватории не было ставки старшего научного сотрудника в штатном расписании и соответствующего фонда зарплаты, всё это надо было выбивать у дирекции ИЗМИРАН, и, значит, решение вопроса зависело не только от Гострема, а и от Мигулина. Гострем же делал вид, что всё зависит только от него и от моего "поведения". Последнее после истории с выборами вроде бы не вызывало нареканий, и я не упускал случая напомнить Гострему о его обещаниях. Напоминал ему об этом и Костя, который втянулся в нашу совместную работу, после второй поездки в Иркутск по-настоящему осознал её перспективность, в том числе и в плане собственной диссертации, и теперь побаивался, как бы я не озлобился на Гострема и не бросил всё к чёртовой матери (иной раз, озлившись, я грозил так поступить), а он не остался бы снова на бобах.

— Поддерживал меня в борьбе за зарплату и Юра Саенко, занявший вместо Круковера должность завсектором разработок и ставший теперь правой рукой Гострема. Мы с Костей долгое время скептически, если не иронически, относились к его деятельности в обсерватории, не принимая её всерьёз. Саенко был увлечён идеей создания в обсерватории некоего автоматизированного "комплекса" (это его формулировки звучали в названии и в расшифровке содержания первой темы обсерваторского плана работ). Помимо традиционных видов наблюдений, существовавших в обсерватории ещё со времён Суходольского (вертикальное зондирование ионосферы, измерения геомагнитных вариаций и поглощения радиоволн), он пытался внедрить регулярные измерения амплитудных и фазовых характеристик всевозможных радиосигналов, распространяющихся через ионосферу (и в КВ, и в СДВ, и в ОНЧ-диапазонах), а также геомагнитных микропульсаций (КПК), космического радишума, атмосферного давления и чёрт-те знает чего ещё с предполагаемой в дальнейшем обработке результатов измерений на предполагаемой быть в обсерватории ЭВМ.

— Что делать со всей этой кучей данных, он чётко себе не представлял, но был убеждён, что измерять и автоматизировано обрабатывать нужно всё, что можно; всё, что несёт хоть какую-нибудь, пусть косвенную информацию об ионосфере. Гострем его деятельность всячески одобрял и поддерживал, она была вполне в духе его размашистых начинаний и впечатляющих планов. Главное, что должно быть много всякой аппаратуры и при ней, естественно, людей, которые, впрочем, должны заниматься автоматизацией, чтобы избавиться от участия людей в проведении наблюдений и обработке результатов. Расширение под лозунгом сокращения!

— Возможно, что здесь и было какое-то рациональное зерно, но нам с Костей всё это представлялось пустой затеей без конкретной физической идеи. Саенко ссылался на какую-то статью об американском прогностическом центре солнечно-земной физики в Боулдере, где всё автоматизировано измеряют и обрабатывают, и призывал у нас создать то же самое. Мы посмеивались. Сравнил тоже. Божий дар с яичницей. Мы и сами в своём

моделировании выглядели в глазах многих прожектёрами, но не до такой же степени!

— Тем не менее новые виды наблюдений устанавливались. Саенко пытался над отчётами для того же "Вымпела", что и мы. Его тема называлась "Калиной", и договор по ней был заключён напрямую между "Вымпелом" и обсерваторией, минуя университет. Иногда он обращался ко мне с просьбами помочь в формулировках, отредактировать текст. Писал он довольно безобразно, на мой взгляд, на каком-то весьма далёком от геофизики жаргоне. На мою язвительную критику не обижался, прислушивался к ней, хотя и пытался защищать свою манеру изложения.

— К Гострему Саенко относился с большим уважением и в наших с ним разговорах защищал профессора от моих злопыхательских нападок теми доводами, которые приводил ещё не так давно и я в спорах с университетскими противниками Гострема: он, мол, настолько велик как организатор, создатель научного коллектива из ничего, на пустом месте, что всё остальное - ерунда, мелочи. Благодаря кому появились темы, деньги, аппаратура, люди? А без него всё развалится. Но и мои претензии на должность эсэнэса и соответствующую зарплату Саенко вполне разделял (сам-то он, работая всего два года после окончания вуза, занимал более высокую должность, чем я - единственный в обсерватории кандидат наук).

— Наконец, дело моего служебного продвижения вроде бы сдвинулось с мёртвой точки. Гострем велел мне написать отчёт о моей научной деятельности за время работы в обсерватории и выступить с ним на семинаре, чтобы получить рекомендацию для секции Ученого совета ИЗМИРАН, а заодно поручил мне организовать цикл аттестационных семинаров, на которых должны были отчитаться все научные сотрудники обсерватории (как оказалось, это была не его собственная инициатива, а требование отдела кадров ИЗМИРАН).

— Аттестационные семинары проходили в конце октября - ноябре. На этих семинарах помимо отчётов аттестуемых заслушивались заранее подготовленные отзывы об их работе. Так, я выступал с отзывом о работе Лены Васильевой, Гострем давал отзывы мне, Сашуле и Саенко, а Саенко, в свою очередь, Шагимуратову и Иванову, который к этому времени после долгих мыканий по больницам вновь появился в обсерватории, уже без костылей, на протезе, но сильно ещё хромя (ему несколько раз подрезали ногу, подгоняя её под протез: сначала оставили пятку, потом отрезали по щиколотку, потом ещё выше). Все эмэнэсы были рекомендованы к утверждению в своей должности на новый срок, Саенко - к утверждению в должности завсектором, Иванов - к переводу из инженеров в эмэнэсы.

— В отношении меня после моего выступления с отчётом и хвалебных отзывов Гострема, Саенко и Латышева было принято решение в заковыристой формулировке: "просить секцию Ученого совета ИЗМИРАН рекомендовать на должность старшего научного сотрудника", к которой потом, уже после семинара, Гострем велел добавить в "Выписке из протокола...": "просить дирекцию ИЗМИРАН о введении в Калининградской обсерватории должности старшего научного сотрудника". Эту выписку вместе с характеристикой и своим отзывом-представлением (и то, и другое составлять, конечно, пришлось мне самому) Гострем повёз в ИЗМИРАН в свою очередную туда командировку.

— Вернувшись, он сказал: "Теперь это там рассматривать будут". "А как долго?" - спросил я. "Не знаю, так сказать, - ответил Гострем. - Это не от меня зависит". Тем дело и кончилось. Вскоре выяснилось, что все эмэнэсы аттестованы, я остался в их числе. Почему меня не перевели в старшие - Гострем не мог или не хотел толком объяснить, бормотал что-то невразумительное, намекая на мои прошлые грехи. Думаю, что Гострему просто ничего не добавили к фонду зарплаты обсерватории, а предложили ввести должность эсэнэса в рамках имеющегося фонда, на что Гострем, конечно, не пошёл. Тогда же я поверил Гострему, что в рай меня мои грехи не пускают. Оставалось только ждать, когда старые грехи забудутся, или зарабатывать их отпущение новыми заслугами.

..... Читая в старых протоколах списки присутствовавших на тех аттестационных семинарах (они были, как обычно у Гострема, объединёнными - КМИО и ЛПФ), замечаю, что в них появился Борис Тринчук, кандидат физ. - мат. наук, принятый в ЛПФ и посаженный Гостремом на внедрение лазерного зондирования в обсерваторские наблюдения. Появился Володя Лещенко - старший инженер ЛПФ, примечательный пока лишь тем, что жена его, Надежда Метелица, работала в кирхе бухгалтером и имела весьма грозный вид. Появился инженер Токарь, специалист по расчёту радиотрасс, весьма невзрачного вида парень с очень постным, унылым лицом. Вот уж трудно было представить, что в будущем к нему уйдёт от Серёжи Фомина эффектная Наталья, которая к тому времени станет популярным гидом Калининградского бюро экскурсий и путешествий. Из выпускников КГУ, которых я чему-либо учил на лекциях и практических занятиях, кроме Медведева и Шевчука в ЛПФ работал ожидавший забрития в армию Витя Васильев из их же группы. Был на семинарах и Валера Бодуэн, курсом младше, тогда ещё дипломник Иванова, на занятиях тихий, скромный мальчик, ставший впоследствии на несколько лет мужем Лариски Высоковской, симпатичной нашей лаборантки, певуны, однажды уже разведённой.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)